

Зима. Королевский посланник сошёл с небольшой лодки, снял пропитанную брызгами шляпу, утёр с лица воду и надел её обратно. Добраться до этого острова, не претерпев изрядных лишений, было решительно невозможно. Люди называли этот забытый Богом клочок земли Имёndo.

Чернокожие солдаты, чьи нижние половины лиц были скрыты чёрной хлопковой тканью, сопровождали посланника в пути. Когда-то давно они привезли сюда принца, так что дорогу знали. После подъёма по каменистой, неровной тропе, от которого у него перехватило дыхание, перед ним раскинулся обширный бамбуковый лес, весь белый под падающим снегом. В самой его глубине стоял маленький одинокий дом. Пятна белого снега редко лежали на его крыше. Ноги посланника остановились прямо перед каменной ступенью, где оставили миску холодной рисовой каши.

Скрип. Когда он открыл дверь, показался тусклый интерьер. Мутный солнечный свет сочился сквозь щель в деревянных досках тростниковой хижины. Взгляду предстала спина мужчины, сидевшего неподвижно и прямо. Даже под одеждой угадывались очертания его худых плеч. У него было крепкое, ладное телосложение, он был высок, с длинными конечностями.

Посланник наконец отнял руку от двери, которую толкнул. Но даже после этого она со скрипом отворилась дальше сама, словно указывая ему путь. В этот момент мужчина тихо повернул голову в сторону. Постепенно проступили высокий нос и бледная кожа. Вдоль длинной шеи под челюстью шрамы и родинки располагались почти как созвездие. С его тихими движениями, длинными ресницами и сероватыми радужками, блеснувшими из-под белков его санпакских глаз, когда он посмотрел в ответ, — это был Кан Сок, так называемый десятый принц Чеджо — последний принц, рождённый королём Хваджоном из Чеджо, и единокровный брат нынешнего короля.

В семь лет Кан Сок проделал долгий путь из Мёнгрипа, столицы, где стоял дворец, до этого острова на самом краю королевства. Ветер мятежа пронёсся по королевской семье Чеджо, и его отправили сюда, едва он избежал смерти. Его мать, его дед по материнской линии и все остальные члены клана его матери погибли, оставив только Кан Сока, носившего королевскую кровь, в живых где-то на территории Чеджо.

Посланник с тревогой посмотрел на шрам на шее Кан Сока, прежде чем достать королевский

указ. Ему говорили, что на шее десятого принца есть родинки в форме Большой Медведицы, лежащей на боку, и что он должен их проверить. Они чётко выделялись рядом со шрамом.

Глаза на его открытом лице были запавшими, утонувшими в темноте, как ночь. Всякий раз, когда их взгляды встречались, казалось, будто из самого дома исходил воздух холоднее, чем зимний ветер снаружи.

<Кан Сок, десятый принц покойного короля, услышь это. Поскольку у меня нет своих детей...>

Посланник пришёл как уста короля, чтобы передать его повеление, но содержимое указа ему заранее не сообщили.

<...ты должен немедленно вернуться во дворец...>

Рука, державшая указ, дрогнула один раз.

<Вернуться... и стать королём.>

Смутившись, посланник запнулся и дважды повторил «вернуться».

На этом указ заканчивался. Королевская печать ярко алела на нём цветом крови.

С этим королевским повелением Анналы были переписаны. Двенадцать лет Кан Сок значился погибшим на месте мятежа, и эта история также стала широко известна среди простого народа. В конце концов, однако, придворный историк написал новую запись на отдельном листе бумаги и вставил её между страницами, повествующими о мятеже того королевского года.

[На пятнадцатом году правления Онгво десятый принц Кан Сок был найден на Имёндо, самом дальнем острове одиннадцати провинций.]

Из трёх чернокожих солдат, сопровождавших посланника, двое остались на Имёндо, а третий вернулся вперёд вместе с посланником.

Как было написано в указе, на острове также оставили ещё одну лодку и лодочника, чтобы Кан Сок мог покинуть Имёндо и вернуться в столицу, Мёнгрип, когда пожелает. В указе король приказал ему явиться «стремительно, как только будешь готов».

«...Готов, как только я им стану?»

<Лучше бы никто не знал, что вы так долго оставались в подобном месте. Обстановка во дворце неблагоприятна, и... тот, кто помогал принцу, возможно, тоже действовал по чьему-то приказу...>

С этими словами посланник, уходя, бросил мимолётный взгляд на миску с кашей на каменной ступени тростниковой хижины. Единственной заботой посланника было достоинство нового короля, который вскоре должен был прибыть. Для того, кому предстояло взойти на трон, эта хижина и дворец в столице были столь же далеки друг от друга, как небо и земля. Десятый принц провёл слишком долго за стенами дворца — и даже в таком месте, как это.

Посланник лишь сделал косвенное замечание, но для Кан Сока, ничего не знавшего о дворцовых обстоятельствах и всё же мгновенно представившего куда больше сказанного, оно ударило с чудовищной силой. Он был тем, кто пострадал во время мятежа сильнее всех, и кого бросили здесь более чем на десятилетие.

«Почему Его Величество ищет кого-то, кто станет королём? Неужели Сока отправляют туда, чтобы он умер?»

Посланник смотрел, как Имёndo удаляется всё дальше и дальше, пока не превратился в крошечную точку, и только тогда повернулся лицом к носу лодки. Хлёткое течение становилось всё более бурным, когда они вошли в пролив, где воды непрестанно клочкотали.

Как только лодка с гостями отплыла достаточно далеко, Нурёнг² заметался по склону горы, даже не зная, кто уезжает. Кан Сок жил на этом острове так долго, что, совершенно излишне, мог представить всё происходящее снаружи лишь по звуку шагов этой собаки.

На Имёndo стоял храм под названием Имёнса. Это было одно из мест, где рукописные копии Анналов рассылались и хранились по всей стране, и в этом скромном храме жил монах с желтоватой собакой.

Давным-давно недалеко от Имёнсы, в тростниковой хижине горного сторожа, нашли брошенного мальчика — вскоре после того, как придворный историк приезжал из дворца, чтобы оставить копию Анналов. Ребёнок был настолько диким, что с ним было трудно даже разговаривать, но, судя по его внешности, он явно был благородного происхождения и, должно быть, имел свои обстоятельства. С тех пор монах приносил ему еду каждый рассвет и оставлял её. Это не было столь величественно, как воспитание мальчика или глубокая привязанность к нему; он просто не давал ему умереть с голоду. Это походило меньше на заботу о человеке и больше на сострадание к животному — или всего лишь на инстинкт сохранить жизнь.

Несмотря на юный возраст, мальчик знал буквы и Писание, а также умел стрелять из лука. Хотя сам монах не стал бы отнимать жизнь, был даже случай, когда мальчик вернулся с охоты, не зная, как разделать добычу, и монах освежевал мёртвого кролика для него.

Монах находил для него книги и иногда говорил с ним, чтобы мальчик совсем не онемел. Ответы были редкими и всегда краткими. Ребёнок рос, как дикий зверь, которого так и не удалось до конца приручить. Всякий раз, когда Нурёнки исчезал из виду, он в конце концов возвращался по горной тропе вместе с мальчиком. Но даже монах не мог и мечтать о том, что ребёнок, за которым он присматривал, был последним оставшимся принцем королевской семьи.

Двенадцать лет он проходил одной и той же дорогой каждый день.

В тот день монах и Нурёнки также оставили тёплую белую рисовую кашу на каменной ступени тростниковой хижины и двинулись обратно по тем же следам.

Однако в тот день дверь тростниковой хижины рано отворилась со скрипом. Кан Сок оставался Кан Соком, но после завершения обряда омовения прошлой ночью и надлежащего облачения в допо он выглядел почти как другой человек. Посланник оставил после себя всё его официальное облачение — чёрное турумаги, чёрную гат и все прочие предметы его парадного одеяния — аккуратно приготовленными.

Пара новых чёрных туфель, без единой пылинки, ступила на каменный порог. Когда обе ноги остановились прямо возле миски с белой кашей, они заняли свободное место так, будто оно было отмерено специально для них.

Кан Сок посмотрел вниз на миску с кашей, всё ещё источавшую пар, затем поднял своё бледное лицо. Чёрная гат отбросила тени рассвета с его острых глаз. Равнодушно он наблюдал

за спинами монаха и Нурёнки, мирно удалявшимися вдаль, не подозревая, что он вышел наружу. Вскоре Сок зашагал. Теперь он был готов, а потому намеревался тоже отправиться в путь.

Даже спустя более десяти лет у него не было с собой никакого багажа. Одежда и обувь изнашивались и подлежали выбрасыванию; книги, которые он читал, давно вросли в его плоть; а луки висели у него на поясе. Сок поднял свой лук и вытащил стрелу. Взяв прицел и натянув тетиву, он глубоко выдохнул, и его бледное дыхание на миг скрыло очертания цели, прежде чем рассеяться.

Стрела была нацелена в спину монаха.

«Ты знаешь обо мне слишком много».

Рука его дрогнула. Прежде чем мысль успела проникнуть дальше, он выпустил стрелу. Она полетела прямо и пронзила спину монашеской рясы. Когда монах рухнул на белый снег, тёмно-багровая кровь растеклась по нему, словно её вылили. Сок приблизился, чтобы убедиться, но внезапно начал содрогаться от металлического запаха крови, ударившего в нос. Спину его судорожно сводило, но в желудке было пусто, и он не мог ничего исторгнуть; лишь чистая слюна стекала с его губ, пока белки глаз наливались злыми красными прожилками.

Нурёнки, который никогда прежде не лаял, теперь лаял так яростно, что казалось, будто весь остров дрожит. Сок пошатнулся и выпрямился, тут же наложив ещё одну стрелу. Но прежде чем он успел прицелиться, лапы собаки поскользнулись на льду, и она скатилась в небольшую ложбину, скрытую под травой. Кан Сок стоял, высоко задрав подбородок, и смотрел вниз в ложбину. Некоторое время собака поскулила, а затем потеряла сознание. Её глаза закатились, показав белки, а голова запрокинулась, но живот всё ещё вздымался, ясно давая понять, что она осталась жива.

Сок снова натянул лук и прицелился. Но вскоре одно из его век дёрнулось, и на этот раз он не выстрелил. Вместо этого он опустил лук. Он поджёг Имёнсү. Пламя взметнулось в каждом

углу, окружая железный котёл, который когда-то использовали, чтобы кормить Кан Сока; затем он поглотил весь храм вокруг статуи Будды. Он поджёг Анналы, в которых была записана его унижительная история, а также тростниковую хижину, укреплённую досками, посреди бамбукового леса.

Начал падать снег. Густой бамбуковый лес был поглощён пламенем. Раз начавшись, огонь уже не могли остановить ни снег, ни лёд.

С горящей Имёнсой и горой за спиной Сок спустился по каменистой тропе и достиг паромной переправы. Лодочник увидел пламя и был вне себя, иступлённо крича о том, что им делать и что случится с людьми, в то время как два чернокожих солдата рядом с ним просто стояли не двигаясь.

Сок сильно ударил убитого горем лодочника по щеке. Тот рухнул на песок, холодный, как лист льда, и посмотрел вверх на бледного Сока полными ужаса глазами. Вместо того чтобы что-либо сказать, Сок лишь оставил его с этим взглядом, прежде чем твёрдо ступить на борт лодки. Никто на этом судне не заметил, что человек, нанёсший удар, был даже бледнее и потрясённее, чем тот, кто его получил.

Кан Сок сидел на самом высоком месте на борту лодки. Его турумаги было чёрным, как глубокая ночь, с ясным голубым отливом, играющим на его поверхности. Под гладким, лоснящимся шёлком он сжал руки вместе, словно заключая их в тюрьму.

Лодка медленно вышла в море. Как только она удалилась дальше, чем человек мог бы пройти пешком, позади внезапно раздался лай. Нурёнги появился на переправе. Даже не зная, кто уезжает, собака отчаянно металась по склону горы. Её движения были настолько иступлёнными, что на них было почти больно смотреть, и нельзя было сказать, бежала ли она от дикой радости или от ощущения, что может умереть.

К тому времени, когда они отплыли ещё дальше, распространяющееся пламя поглотило весь Имёndo. Чёрный дым бесконечно поднимался в небо.

<http://bllate.org/book/21793/2372720>